

Глава 37

Путч ГКЧП

Трагическое событие российской истории.

Заговор номенклатуры?

Раскрутка Ельцина.

Победа коммуно-капиталистов

Путч ГКЧП стоит, на мой взгляд, в ряду таких событий, как воцарение Сталина в 1927—1928 годах, нападение Германии в 41-м, подавление революций в Чехословакии и Польше. И для меня это событие тоже стало страницей моей биографии. Поэтому я уделю ему побольше внимания.

Трагизм этого события я вижу в том, что путч ГКЧП вольно или невольно обеспечил победу номенклатуры, настроенной на переход к выгодному для нее олигархическому, компрадорскому капитализму, и положил начало новому лихолетью в истории России. Поспешная и неправовая ликвидация СССР, разрушение промышленности, науки, здравоохранения, разрушение морали в обществе, подавление нарождавшейся было демократии, парламентаризма, преступные чеченские войны, приход к власти представителей КГБ—ФСБ, нищета и вымирание народа — все это, на мой взгляд, последствия августовских событий 1991 года.

Заговор номенклатуры?

До августа в России оставалась возможность постепенного развития к демократическому социализму, кооперативного, рыночного типа. После августа — такая возможность исчезла. Надолго, может быть, навсегда, в смысле до окончательного развала.

В том августе я находился в Мюнхене, и известие о путче повергло меня, как и большинство политэмигрантов, в тревогу, поражение путчистов — обрадовало. В то же время стало ясно, что звезда Горбачева покатила вниз и дни его сочтены. Ельцин, победив ГКЧП, как некий рыцарь Ланселот вернул трон Горбачеву, но психологически стал выше его. И это уже мало кого печалило. Горбачев в последние два года давал очень много поводов для недоверия к нему. Вспомним, как он упорно в тот год окружал себя матерыми партчиновниками, будущими путчистами. Симптомы возвратного движения и сползания к чрезвычайщине следовали один за другим. Это и попытка Горбачева в конце 90-го года приостановить действие закона о свободе печати, и патрулирование городов силами армии, в январе 91-го — захват вильнюсского телецентра, в марте — ввод войск в Москву накануне 3-го съезда народных депутатов РСФСР, в массе своей оппозиционных Горбачеву, сенсационный уход в отставку Шеварднадзе (с поста министра иностранных дел), заявившего тогда, что реакционеры готовят переворот, а демократы — бездействуют.

В то же время считаю, что с объективной точки зрения Горбачев сделал для страны больше, чем можно было бы ожидать от человека, вышедшего из номенклатуры КПСС. Он дал лю-

дам свободы вполне достаточно для того, чтобы они дальше могли бы взять судьбу страны в свои руки, в том числе и Горбачева подталкивать к демократическим реформам. Но у общества, прежде всего у интеллигенции, которая должна быть застрельщиком, не хватило для этого ни сил, ни ума, ни единства.

На фоне Горбачева в последний год (перед путчем) фигура Ельцина казалась предпочтительней, хотя тоже вызывала много вопросов и сомнений.

Удручало отсутствие у Ельцина чувства собственного достоинства. За калейдоскопом огромного числа событий прошедшего десятилетия многое уже стало забываться. В том числе и то, как Ельцин унижался на пленуме Московского горкома КПСС, когда его снимали с поста главы горкома:

«Я потерял как коммунист политическое лицо руководителя. Я очень виновен перед Московской партийной организацией, очень виновен перед горкомом партии, перед бюро, и конечно, виновен лично перед Михаилом Сергеевичем Горбачевым, авторитет которого так высок в нашей партии, в нашей стране и во всем мире... Я должен сказать, что я верю по-партийному абсолютно твердо в генеральную линию партии и в решения XXVII съезда... Я перед вами, коммунистами, заявляю абсолютно честно: любой мой поступок, который будет противоречить этому моему заявлению, конечно, должен привести к исключению из партии».¹

Потом Ельцин испугался все-таки за свой престиж и распустил слух, что на тот пленум он пришел из больницы, в которой врачи якобы сделали ему какую-то инъекцию, усыпившую его чувство достоинства. Но это не помешало ему примерно через год вновь униженно просить Горбачева и руководство партии простить его и реабилитировать. На этот раз на партийном съезде, перед камерами телевидения, перед всей страной.

Я думал, после такого самоунижения и цепляния за власть политическая карьера Ельцина окончена, в народе не станут уважать такого человека, но круто ошибся: не предполагал, что общество настолько находится во власти холуйской психологии.

Однако за тревогой первых дней путча и эйфорией от победы над путчистами все негативные впечатления от предыдущего поведения Ельцина отошли на второй план. В дни путча многое другое вызывало удивление. Почему, например, путчисты не арестовали Ельцина или хотя бы не заблокировали его на даче, как Горбачева в Форосе? И почему не были отключены телефоны в Белом доме, и дом не был сразу же окружен чекистами и военными? Тогда никто из москвичей не смог бы и собраться для защиты Верховного Совета. И почему путчисты так и не решились предпринять штурм Белого дома? Войскам и всяким спецназам ничего бы не стоило растащить окружавшую дом не очень-то плотную толпу безоружных защитников Верховного Совета. И наконец, почему путчисты так быстро сдались? Вопросы, вопросы...

Ответ крутился в глубине сознания, но для его уяснения должны были произойти еще многие события.

Так, сразу же после подавления путча поразило безмерное славословие в адрес Ельцина и национал-патриотическая риторика победителей. Поражение путчистов подавалось как победа народного героя Ельцина и русского народа. Как будто в ГКЧП сидели инородцы, оккупанты! Гавриил Попов, бывший тогда сопредседателем (вместе с Ельциным) оппозиционной (Горбачеву) Межрегиональной депутатской группы, на митинге по случаю победы, стоя ря-

¹Новое время.1995.№7

дом с Ельциным, назвал его «Мининым и Пожарским в одном лице» и призвал наградить его званием Героя Советского Союза, высшей, между прочим, наградой только что побежденного строя! Вспомним, что тот же Г. Попов в 1987 году после увольнения Ельцина с поста председателя Московского горкома поместил в «Московских новостях» статью, в которой характеризовал Ельцина как явление «неотроцкизма в партии»!

Сам Ельцин вскоре после победы (29 августа), выступая по телевидению, заявил, что не допустит «охоты на ведьм», т. е. на тех чиновников и военных, которые поддерживали ГКЧП, и уж тем более на всех иных членов номенклатуры. Не сдал Ельцин и КГБ. Лишь разрешил снести памятник Дзержинскому.

История со штурмом этого памятника представляется мне в высшей степени символической. Во всех развитых восточноевропейских странах в период «бархатных революций» прежде всего «сносили» сами органы, а у нас — памятник их основателю. В Берлине толпа ворвалась в управление штази и разгромила его. А у нас сталинские чекисты наблюдали из лубянских окон за беснующейся вокруг памятника толпой. Много позже один из чекистов, обнаглев, похвалялся в прессе, что у них все было готово для встречи толпы (читай — черни): газ, автоматы, пулеметы. Ко всему еще толпа оказалась малосильной, недружной — не могла свалить чугунного Феликса, и догадливые власти подогнали автокран, чтобы выпустить пар из толпы. Запомнилась картинка: молодые люди ногами пинают голову поверженного памятника. А в кабинетах Лубянки его портреты до сих пор висят на стенах! И дивизия КГБ, которая рубила людей саперными лопатками в Тбилисси и штурмовала в 93-м Верховный Совет России, сохранила имя Дзержинского! Сюр, фарс — не знаю, как все это назвать.

Было совершенно непонятно, почему гнев толпы вызывал мертвый истукан? Что это было — симптом слабоумия или холопской трусости? Пойти на штурм Лубянки — это не памятник валить!

Я не имею в виду, что обязательно нужно было штурмовать Лубянку. Новые власти сами могли очистить ее. Изящнее всего это сделали в Чехословакии. Вскоре после создания там нового демократического правительства им было обнародовано распоряжение (цитирую по памяти): «Всем сотрудникам старых органов безопасности запереть свои кабинеты, сдать ключи, личное оружие и разойтись по домам».

У нас же не было произведено даже чистки Госбезопасности от людей, непосредственно причастных к преступлениям этой «конторы». Председатель КГБ Крючков был арестован, но как член ГКЧП, и впоследствии амнистирован вместе со всеми «чепистами». Не были заменены и командные кадры армии и МВД, представлявшие собой в массе самую реакционную часть партийно-государственной номенклатуры.

И конечно, самое-самое главное — не были проведены перевыборы всех органов власти в центре и на местах, на 90% состоявших из махровой номенклатуры сталинско-брежневского разлива. В тот момент номенклатура наверняка потерпела бы поражение и была бы заменена у власти новыми людьми из других социальных слоев. Отдельные голоса о необходимости таких срочных выборов раздавались в прессе и на митингах, но ельцинская команда их игнорировала.

В развитых странах бывшего соцлагеря тем или иным путем старый руководящий класс был почти целиком устранен от власти — то, что там назвали антиноменклатурной революцией и что предопределило становление в тех краях неизмеримо более демократических и цивилизованных порядков, нежели в России и других республиках СССР — СНГ.

Через год Ельцин уже откровенно поставил себе в заслугу сохранение коммунистических чиновников у власти: «Многие требовали сменить все руководящие кадры, но мы на это не пошли. Мы не допустили революции!».

И стало в конце концов ясно, кто на самом деле одержал победу в августе 90-го и что представлял собой путч ГКЧП.

Прояснились и «странная» карьера Ельцина, и его смелость и решительность в дни путча. Все в августе искали связь Горбачева с членами ГКЧП и не думали о возможной связи Ельцина с ними и со стоящими за их спинами номенклатурными кругами!

Раскрутка Ельцина

Вспомним, с чего началась широкая известность Ельцина — с его критического выступления на пленуме ЦК КПСС осенью 87-го года. Ничего особо разоблачительного в том выступлении не содержалось, но был хамский выпад против Раисы Горбачевой, которую Ельцин обвинил в том, что она лезет не в свои дела и командует мужем. Удивительное в этой истории было то, что распечатка выступления Ельцина вышла из стен ЦК и была широко распространена по стране. В 1987-м году порядки в партии были еще достаточно суровы и КГБ был еще в полной силе, чтобы не допустить подобной утечки. И поэтому трудно усомниться в предположении, что именно КГБ (по решению каких-то высоких номенклатурных кругов!) и распространил текст выступления Ельцина с целью создать ему широкую известность и имидж смелого критика Горбачева. Одновременно и престиж Горбачева пощипать, и углубить конфликт между ним и Ельциным.

И заинтересованные в этом круги продолжали «раскручивать» Ельцина. В ход были запущены мифы о покушениях на него. И в реку-то его кто-то с моста бросал с мешком на голове, и в самолете (в Испании) злонамеренно встряхивали.

Ельцин был очень удобен для номенклатуры. Им легко можно было манипулировать ввиду известных его качеств: безмерного властолюбия, безудержной склонности к алкоголю и полнейшей беспринципности. В тот период партийное руководство активно создавало псевдооппозиционные силы и фигуры. Вспомним «Память» во главе с Д. Васильевым, ЛДПР с Жириновским. Но на Ельцина возлагались, разумеется, особо большие надежды.

Для чиновных коммунистов складывалась критическая ситуация. Они понимали, что незыблемый, казалось бы, строй государственного социализма доживает последние дни, как и воссозданная с его помощью империя. И единственное спасение для себя они видели в быстром («шоковом») переходе к капитализму, чтобы, используя еще имевшуюся в их руках власть, взять в свою собственность самые лакомые куски «народного хозяйства», перекавалифицироваться в капиталистов. Надо не забывать, что процесс вставания коммунистических чиновников в капитализм подспудно начался еще при Брежневе.

Но при Горбачеве, в перестройку, им угрожало развитие событий по сценарию Пражской весны или польской «Солидарности». Горбачев, конечно, очень нерешительно и неумело вел страну в том направлении, но чиновники боялись, что «инженерно-рабочий класс» может взять дело в свои руки. И создание Союза трудовых коллективов наверняка увеличивало этот ее страх.

Номенклатуре надо было форсировать переход к капиталистическим реформам. Но для этого нужно было убрать с пути Горбачева, найдя или создав ему яркую замену. Горбачев тоже поддавался влиянию номенклатуры, но до известного предела. У него все-таки были какие-то принципы и чувство собственного достоинства. На переход к капитализму он, конечно, не согласился бы. И лучшего кандидата на замену Горбачева, нежели Ельцин, у чиновных коммунистов не было. Необходимо было только провести еще какую-то спецоперацию, которая сделала бы Ельцина всеобщим героем. Раскрутить его, как сейчас говорится. Так объективно выглядела ситуация в стране.

Я не думаю, что члены горбачевского руководства начали свой путч специально для вознесения Ельцина. Трудно предположить, что эти люди были способны на такой классовый альтруизм, чтобы по окончании операции лишиться своих постов и вообще уйти из политической жизни, да еще через Лефортово! Путчисты были, видимо, просто консерваторами, которых Горбачев тоже не устраивал, так как расшатывал существующий строй, напоминал им Дубчека. Но их, очевидно, с самого начала крепко схватили за руки могущественные сторонники капиталистических реформ, мешали им действовать активно. Тут очень интересно смотрелись два члена мозгового штаба номенклатуры — Аркадий Вольский и Владиславлев. Один из них сидел у Ельцина в Белом доме, другой — у путчистов на Старой площади, и оба все время поддерживали связь по правительственной телефонной линии. Не исключена, конечно, и такая версия, что команду Янаева спровоцировали на путч сторонники «вознесения» Ельцина. Попутно хочу отметить поразительную фигуру Вольского, который сумел пережить все последующие катаклизмы и остался наверху в своей роли серого кардинала (возглавляет сейчас Союз промышленников и предпринимателей).

После своей победы команда Ельцина, я уверен, сознательно выдвинула против путчистов явно недоказуемое обвинение: «заговор с целью захвата власти». (О каком захвате власти могла идти речь, когда путчисты властью и так обладали?) И судебный процесс велся к их оправданию, но еще до его окончания путчисты были амнистированы. Генерал Варенников, гордо не пожелавший амнистироваться, пошел на суд и был, разумеется, оправдан. Победители не хотели наказывать тех, кто им так помог!

Была после подавления путча распущена КПСС? Но ее уже нельзя было спасти, да и не нужна она была коммунистам, жаждавшим стать капиталистами. А вот объявить КПСС преступной организацией, как того требовали правозащитники, Ельцин со товарищи не позволили. Ведь в этом случае наступили бы, как говорится, юридические последствия для руководящей номенклатуры КПСС, включая самого товарища Ельцина. И суд не нашел юридических оснований для объявления КПСС преступной организацией! И партийных денег люди Ельцина сыскать, как и следовало ожидать, тоже не смогли, и деньги эти стали основанием для создания крупнейших финансовых структур, на руководящих постах в которых разместились многие бывшие партчиновники. Генерал Лебедь остроумно сказал о них: «Отступили на заранее подготовленные коммерческие позиции».

Победа коммуно-капиталистов

В целом коммунистическая бюрократия продемонстрировала поразительную гибкость и живучесть, чего от нее никто не ожидал. Казалось, эти жирнолобые люди ни на что уже не способны, кроме тупого и жестокого подавления любого инакомыслия, и вся их сила в силе КГБ. Однако истинная сила номенклатуры оказалась в ее беспредельной беспринципности. Что мы видим и на примере карьеры Ельцина. Верх стали брать демократы — и коммунистические чиновники тоже становятся завзятыми демократами, «реальный социализм» идет к развалу — и они становятся яростными сторонниками капитализма. Помню перефразированные слова Ленина в одном журнале: «Плох тот коммунист, который не может стать капиталистом!». «Плохих коммунистов» оказалось очень мало! В моду вошла религия, православие — и все бывшие партийные вожди стоят в церквах со свечами и даже крестятся. Восстанавливают царский герб. И так далее до бесконечности. Войди в России в силу иудаизм или ислам — и все коммунистические чины немедленно сделали бы себе обрезание! Эта их циничная беспринципность вкупе со слабоумием значительной части образованного общества и рабской заботой о народе обеспечили номенклатуре непотопляемость. А народу — нищету и вымирание.

Сохранение номенклатуры у власти было для меня лично ошеломляющей неожиданностью. Я не представлял себе, что такое может случиться при возникновении в стране революционной ситуации. Я думал, что в глубине сознания большинства людей в России должна жить ненависть к советской бюрократии.

Но наибольшую ответственность за сложившуюся ситуацию несет, конечно, интеллигенция. В ее силах было возбудить в обществе антиноменклатурное движение. Однако она даже и не попыталась этого сделать. Более того, я с изумлением увидел, что даже диссиденты в массе своей не осознавали такой необходимости, не понимали, что это такое — чиновники, выросшие в условиях сталинского тоталитаризма, не представляли, насколько неприемлема для этих чиновников демократия, как они жестоки, эгоистичны и безнравственны. Мне совершенно непонятно, как можно так не знать людей и страну, в которой живешь всю жизнь? Ведь все же в большей или меньшей степени сталкивались с чиновными коммунистами и должны знать новейшую историю страны, знать, какие чудовищные преступления они совершали. Народ, рабочих интеллигенция презирает, а то и ненавидит, а чиновных вельмож приемлет у власти! Вспомним Бориса Шрагина: «Интеллигент в России — это зрячий среди слепых, ответственный среди безответственных, вменяемый среди невменяемых». Или Бориса Хазанова: «Мучительный роман русской интеллигенции с народом окончен...». А с бывшими «ответственными товарищами» из КПСС он, как видим, разгорелся!

Поражает и тот факт, что так называемая демократическая интеллигенция помогала номенклатуре раскручивать культ Ельцина, выдвинула его своим лидером. Здесь сказался тот самый дальтонизм ко злу и его носителям, который так ярко проявился в эмиграции. Уму непостижимо, как можно было не видеть, какое злобное ничтожество представляет собой Ельцин!

Насколько бесконечно умнее был ненавидимый нашими демократами Ленин, который в 1922 году предупредил о рождении коммунистической бюрократии, наследующей все «лучшие» качества российских чиновников, «подлецов и насильников по природе своей».